

ЛЮДВИК СОБОЛЕВСКИЙ — ФИЛОЛОГ И БИБЛИОГРАФ

К истории Вильнюсского Государственного университета

им. В. Капсукаса

Е. ФРОЛОВ

Вильнюсский университет в первой четверти XIX в. подготовил целый ряд высококвалифицированных специалистов в различных областях науки. К их числу относится и Людвик Соболевский, один из наиболее одаренных учеников Гроддека. Болезнь помешала ему внести более значительный вклад в науку и достичь профессорского звания, однако его жизнь и деятельность заслуживают нашего внимания, так как они тесно связаны с деятельностью Вильнюсского университета и проливают свет на некоторые вопросы его истории. На примере Соболевского мы можем убедиться в том, как заботливо университет выращивал молодые научные силы и старался наиболее целесообразно их использовать. Кроме того, деятельность Соболевского протекала в русле общих филологических устремлений его учителя Гроддека, и знакомство с нею существенно дополняет наше представление о т. н. школе Гроддека, ее направлении и роли в распространении неогуманистических идей в Литве. Личность Соболевского еще интересна тем, что он был одним из выдающихся библиографов своего времени. Эта сторона деятельности принесла ему наибольшую известность и сохранила от забвения его имя.

Соболевский принадлежит к тем людям, служение которых науке должно являться определяющим моментом в оценке их деятельности. А так как классическая филология, представителем которой он был, являлась в его время одним из важных средств распространения в обществе свободолобивых идей, то мы можем говорить о прогрессивной роли деятельности Соболевского. Не принимая непосредственного участия в идеологической борьбе за утверждение новых, демократических идеалов, которая велась в Вильнюсском университете и в Литве, одной уже своей неутомимой деятельностью на ниве классического образования и связанных с ней библиографических изысканий он способствовал росту свободолобивых настроений и укреплял позиции демократических сил.

1. ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛЮДВИКА СОБОЛЕВСКОГО

1. Школьные и университетские годы

Людвик Мартинович¹ Соболевский родился 8 сентября 1791 г. в Вильнюсе. Отец, родом из дворян², был служащим казначейства³. До 13 лет мальчик обучался дома под руководством репетиторов, после чего в 1803 г. был определен в первый класс Вильнюсской гимназии⁴.

Соболевский учился с перерывами. Мы не обнаруживаем его имени в списках учащихся за 1804—5 уч. г. Вероятно, он тогда болел и курс 2-го класса проходил дома. Во всяком случае в следующем, 1805—6, уч. г. он находился в 3-ем классе⁵. Учение ему давалось легко, при подготовке уроков он обходился без посторонней помощи⁶, однако нельзя сказать, чтобы он блистал способностями. В первом классе у него по всем предметам успеваемость «хорошая», в третьем — «большая». Такие же оценки у него и в четвертом, и в пятом классах, а однажды встречается даже отметка «плохо»⁷.

Небезынтересно отметить, что вплоть до 1807—8 уч. г. Вильнюсская гимназия состояла из пяти классов. V класс был выпускной. Соболевский закончил его весной 1808 г. и в том же году осенью поступил в университет.

С 1 октября 1808 г.⁸ Соболевский, должно быть, на основании результатов вступительных экзаменов был зачислен членом учительской семинарии при Вильнюсском университете. Причиной, заставившей его добиваться зачисления на казенный кошт, вероятно, был задуманный или же уже осуществленный ко времени поступления в университет переезд семьи на жительство в Каунас⁹.

Члены учительской семинарии именовались кандидатами, жили в общежитии и получали на стол 9 руб. в месяц, а на другие расходы по 20 руб. на три месяца (т. н. ручное жалование). Кроме того, на казенный счет покупались учебные книги, напр., латинские словари, сочинения Тацита, Софокла, Горация, Вергилия, а также и геометрия Эвклида, «Описание растений» Юндилла и др. Всего кандидатов было человек

¹ Центральный государственный исторический архив Литовской ССР (в дальнейшем — ЦГИА), ф. 567, оп. 2, д. 2530. У Бренштейна (*M. Brensztejn. Biblioteka Uniwersytecka w Wilnie do roku 1832, Wilno, 1925*) ошибочно дается имя отца — Михаил.

² ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 312.

³ *M. Brensztejn. Op. cit., str. 75. Cp. Wizerunki i Roztrząsania Naukowe* (в дальнейшем — WRN), Wilno, 1835, str. 134.

⁴ ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 26.

⁵ Там же, д. 75.

⁶ Там же запись: «Сам себе гувернер».

⁷ Там же, д. 130. Утверждение его безымянного биографа (WRN, 1835, str. 134), что Соболевский «способностями, прилежанием и успехами в учебе равно превосходил всех своих товарищей по классу, как изумлял своих учителей», не соответствует действительности.

⁸ Там же, д. 2530.

⁹ WRN, 1835, str. 135.

19—20. Во главе их стоял префект, которым в те времена был известный проф. ботаники Станислав Юндилл¹⁰.

Соболевский в продолжении трех лет слушал курсы «математики, химии, физики, естественной истории, российской словесности, а в особенности греческой и латинской словесности, а также прав гражданского и уголовного, да, кроме сего, языков французского, итальянского и английского»¹¹.

Курсы не охватывали предмет полностью, так что требовалась большая самостоятельная работа для усвоения науки в ее полном объеме. Так, на «отделении словесных наук и изящных художеств» в 1808—1811 гг. проф. Гроддек объяснял лишь избранные произведения отдельных писателей древности, все остальное оставляя своим слушателям для домашнего чтения. Таким образом, многое зависело от способностей и усидчивости студента. Соболевский закончил университет в самый короткий срок — в течение трех лет, что одно уже свидетельствует в его пользу¹².

В последний год пребывания в университете, оставаясь членом учительской семинарии, Соболевский был принят в созданный в 1810 г. филологический семинарий Гроддека¹³. Как член семинария Соболевский проявил необыкновенную активность и обратил на себя внимание Гроддека. В отчете о работе семинария за 1810—11 уч. г. Гроддек пишет:

«Г. Соболевский, кандидат и ординарный член филологического института, два раза объяснял «Гекабу» Эврипида и один «Анналы» Тацита; написал и защитил латинскую диссертацию «*De antiquitatis Genio*» и провел по-латыни диспут против г. Боровского.

Примечание: Этот юноша, который к весьма выдающимся способностям присоединил большое прилежание и отличное поведение, к несчастью, заболел 28 мая, 29 же он должен был объяснять Эврипида, а неделю спустя защищать свою вторую диссертацию «*De Genio scriptorum veterum*». Болезнь ему в этом помешала».

Из этого же отчета Гроддека мы узнаем, что члены филологического семинария за год получили жалования (вероятно, на книги) по 50 руб. каждый (всего было в первом году 6 ординарных членов; 5 из них одновременно были и членами учительской семинарии). Кроме того, они пользовались книгами семинария, закупленными Гроддеком на сумму 223,97 руб.¹⁴

¹⁰ ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 235.

¹¹ Там же, д. 2039. Сам Соболевский в собственноручно составленном формулярном списке за 1822 г. указывает точнее: «элементарной математики» и, вместо общего понятия «естественной истории», конкретно «ботаники, зоологии и минералогии» (Отдел рукописей Научной библиотеки Вильнюсского Государственного университета им. В. Капсукаса — в дальнейшем — ВГУ — КС 141).

¹² Об организации учебного процесса по специальности классической филологии подробнее см. *Z dziejów filologii klasycznej w Wilnie* (в дальнейшем — FKW), Wilno, 1937, str. 99—143. (Ср. Сборник материалов для истории просвещения в России, т. 3, СПб, 1898, стр. 743—744.)

¹³ *J. Oko. Seminarium filologiczne* G. E. Grodka, Wilno, 1933, str. 20.

¹⁴ *J. Oko. Op. cit.*, str. 22—24.

Рабочий день Соболевского-студента был заполнен до отказа. Он слушал все курсы Гроддека, читавшего греческих и латинских авторов, филологическую энциклопедию и археологию, а также руководившего (в рамках филологического семинария) практическими занятиями по латинскому языку и разбору отдельных произведений античных писателей¹⁵.

Кроме того, Соболевский, несомненно¹⁶, посещал практические занятия адъюнкта Жуковского, который излагал греческую грамматику и диалоги Лукиана, и лекторий французского языка адъюнкта Пинабеля, не говоря о других лекториях. В предыдущие годы (вполне возможно, что и в последнем году), кроме филологических дисциплин, он слушал еще курсы по другим предметам, перечень которых дан выше¹⁷. Остальное время, надо думать, молодой филолог отдавал самостоятельной работе — чтению дополнительной литературы, составлению упомянутых уже нами диссертаций и т. п.

25 марта 1811 г. Соболевский получил степень кандидата философии, а 17 мая 1811 г.¹⁸ был произведен в магистры философии¹⁹.

2. На преподавательской работе в Каунасе и Белостоке

Соболевский был любимым учеником и другом Гроддека. Недаром Гроддек в генеральном отчете о деятельности филологического семинария²⁰ поместил его фамилию на первом месте. Соболевский поддерживал с ним тесную и постоянную связь и по выходе из университета. Во всех его перемещениях по службе чувствуется незримая поддержка Гроддека. Он в конце концов добивается для Соболевского и научной командировки за границу.

1 августа 1811 г.²¹ Соболевский был назначен в Вильнюсскую гимназию учителем греческого и латинского языков, но об этой его работе ничего не известно. Возможно даже, что Соболевский к исполнению обязанностей не приступал, чувствуя себя еще слишком слабым после болезни. Во всяком случае, в требовательной ведомости за 1812 г. его

¹⁵ Praelectiones in Universitate Caesarea Vilenensi a kal. septembris anni MDCCCX ad pridie kal. iulii anni MDCCCXI habendae.

¹⁶ В средней школе во время учебы в ней Соболевского греческий язык не преподавался. Поэтому он должен был использовать все возможности для совершенствования в этом языке.

¹⁷ ВГУ, КС 141.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Магистерская степень присваивалась на основании экзаменов и защиты диссертации (Ср. ход магистерских экзаменов Белиновича в 1817 г. — ВГУ КС 185, л. 1024—26). По собственным словам Соболевского (ВГУ, КС 141), он сдавал экзамены по греческой и римской литературе, а также по гражданскому и уголовному праву. О двух его диссертациях мы упоминали выше. Одна из них («De Genio scriptorum veterum») была, несомненно, магистерской. Ввиду болезни он ее не мог лично защищать, и, вероятно, она была ему засчитана заочно.

²⁰ *J. Oko*. Op. cit., стр. 37—38.

²¹ ВГУ, КС 141.

фамилия не фигурирует, и за преподавание греческого языка дополнительное жалование получает учитель литературы Л. Боровский, а с октября 1812 г. учитель литературы А. Левицкий²².

1812 год в Литве для многих был годом проявления тех или иных политических симпатий, вплоть до вооруженного участия в военных действиях. Соболевский в это время ничем себя не проявил, и это говорит о его желании оставаться в стороне от политических вопросов современности. Такая позиция характерна для него и в дальнейшем. Мы ничего не слышим о его принадлежности или хотя бы сочувственном отношении к легальным или полунегальным прогрессивным организациям того времени, напр., к «Обществу щубравцов», не говоря уже о тайных молодежных союзах, руководимых филоматами.

25 апреля 1813 г. Соболевский по собственной просьбе²³ получает назначение в уездное училище в Каунасе, где проживали его родители. Там он работал по договору с 25 апреля 1813 г. по 1 июля 1813 г. и за все это время в июле получил сумму 100 руб. «за преподавание классных наук и французского языка»²⁴. Классные науки — это польско-латинская грамматика, которую он преподавал и в следующем, 1813—14, уч. г.²⁵ До Соболевского ее там преподавал Абрагамович, который в связи с переводом Соболевского вынужден был перейти на преподавание географии и арифметики и лишь после отъезда Соболевского получил обратно свой основной предмет²⁶. Это говорит о привилегированном положении Соболевского, о том, что Вильнюсский университет в надежде на будущее дорожил им.

Работа в уездном училище не могла удовлетворить Соболевского, и после смерти отца он с 1 сентября 1814 г. переводится в Белостокскую гимназию учителем античной литературы²⁷. С 1 октября 1815 г. он там начинает преподавать и французский язык²⁸.

Соболевский имел явно выраженную склонность к научной работе. Еще будучи студентом, он принимает заказ известного вильнюсского издателя Завадского на подготовку к печати хрестоматии Ломонда для начинающих изучать латинский язык и составление к ней словаря.

Издание ее было осуществлено в 1811 г., а затем она переиздавалась в 1821 г. Соболевский оказался, как пишет в предисловии Завадский, «лицом охотным и способным к надлежащему выполнению этой работы»²⁹.

²² ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 369.

²³ Там же, д. 392; ВГУ, КС 141. В последнем документе Соболевский указывает, что стал работать по штату с 1 сентября 1813 г.

²⁴ ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 350.

²⁵ Преподавал ли Соболевский в дальнейшем французский язык, нам не известно.

²⁶ ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 441.

²⁷ Там же, д. 455 и 492.

²⁸ Там же, д. 501 и 547.

²⁹ Сам Соболевский (ВГУ, КС 141) указывает в качестве даты первого издания 1809 г. и второго — 1821 г., ничего не упоминая об издании 1811 г. Это наводит на мысль об ошибке Соболевского, которую повторил и Йохер (WRN, 1855, стр. 141), и Эстрейхер (K. *Estreicher*. Bibliografia polska XIX stulecia, t. 2, Kraków, 1874, str. 594).

Преподавая в средних школах, Соболевский продолжает заниматься научной работой, трудясь над переводами древних авторов и составлением учебников. Некоторые подробности об этом мы узнаем из письма Гроддека Чарторийскому от 17 апреля 1812 г.³⁰, где Гроддек сообщает, что Л. Соболевский представил ему перевод трактата Цицерона «Оратор».

К сожалению, перевод Соболевского не был издан и затерялся. О высоком качестве его сообщает Ф. Малевский в письме Мицкевичу 6 октября 1819 г.³¹

В настоящее время мы располагаем лишь образчиками переводов Соболевского из Горация и Софокла, а также одного анакреонтического стихотворения. Все они напечатаны в журнале «Тыгодник Виленьски» за 1816 г.³²

Кроме переводов, Соболевский работал над составлением учебников латинского языка для I и II классов. В 1815 г. университет назначил комитет в составе проф. Гроддека (председатель), адъюнктов Жуковского и Левицкого, заместителей профессоров Лелевеля и Боровского, а также преподавателя античной литературы в Вильнюсской гимназии Черского, который должен был составить план издания древних авторов для школ: поэтов, историков, представителей красноречия и философии³³. Наряду с этим комитетом, существовал еще один комитет³⁴ для рассмотрения всех прочих элементарных книг (учебников) в составе профессоров Голянского, Немчевского, Чернявского, Гроддека и адъюнкта Жуковского, назначенный Ученым советом отделения словесных наук и изящных художеств 11 января 1815 г.³⁵ Благодаря этим комитетам развернулась систематическая и плановая работа над подготовкой и изданием учебников³⁶. Одним из исполнителей ее стал Соболевский.

В 1814 г. он переслал в университет составленную им для I и II классов гимназии и училищ хрестоматию с приложением краткого латинско-польского словаря. Университет поручил второму из вышеуказанных комитетов рассмотреть хрестоматию и дать свое заключение. В 1815 г. комитет в своем рапорте указывает, что после тщательного рассмотрения и исправления нескольких мест он единогласно решил признать представленные учебники более удобными бывших до сих пор в употреблении извлечений, утвержденных ранее существовавшей Эдукационной

³⁰ J. Oko. Op. cit., str. 32.

³¹ Archiwum filomatów, cz. 1, korespondencja 1815—1823 (в дальнейшем — Kor. fil.), t. 1, Kraków, 1913, str. 164.

³² „Tygodnik Wileński“, 1816, t. 1, str. 131—133; 159—161; 331—333; t. 2, str. 15—16.

³³ ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 674.

³⁴ FKW, str. 258; ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 622.

³⁵ ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 622. Вероятно, инициатива Вильнюсского университета в этой области повлияла на то, что в 1818 г. при Департаменте народного просвещения был создан комитет для рассмотрения учебных книг во всех учебных округах (ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 674).

³⁶ FKW, str. 254, 258, 259.

комиссией. Комитет подчеркивает, что извлечения Соболевского более соответствуют уровню развития учеников и являются лучшими в методическом отношении. Поэтому 15 октября 1815 г. комитет постановил признать их учебным пособием и ввести в училищах Вильнюсского округа, издав двухтысячным тиражом. Ввиду того, что Соболевский первый из учителей составил хрестоматию, комитет представил его к награде в сумме 300 руб.

15 февраля 1817 г. от Чарторийского поступило указание переслать хрестоматию ему на просмотр. 22 марта 1817 г. университет посылает ему ответное письмо, в котором указывается, что рукопись, исправленная Гроддеком, переслана министру просвещения 23 февраля 1816 г. и что по получении обратно она будет немедленно доставлена Чарторийскому.

Дело кончилось тем, что из-за бюрократической волокиты издание хрестоматии не было осуществлено и Соболевский лишился премии³⁷.

В годы пребывания в Белостоке Соболевский осуществил еще одну филологическую работу. Вероятно, также по заданию Гроддека, как председателя первого из вышеназванных комитетов, он подготовил к печати и издал в 1817 г. в Белостоке «Бревиарий римской истории» Эвтропия. Затем он был перепечатан в Вильнюсе в 1821 г.³⁸ В эти же годы или еще раньше он перевел известный английский роман Гольдсмита «Векфильдский священник»³⁹, однако он не был издан и затерялся. Есть сведения, что он должен был издаваться в Париже⁴⁰.

Об этих всех трудах Соболевского подробно знал Гроддек, с которым Соболевский все это время поддерживал связь. Проживая в провинции, Соболевский часто наезжал в Вильнюс и во время своих приездов почти ежедневно виделся с Гроддеком. Кроме того, он регулярно переписывался со своим учителем. Гроддек видел в Соболевском своего будущего заместителя и преемника на кафедре⁴¹.

3. Первая научная командировка за границу

1 января 1817 г. на заседании Ученого совета университета Гроддек выступил с предложением выслать Соболевского за границу для усовершенствования в своей специальности с тем, чтобы по возвращении привлечь его к преподаванию в университете. Это предложение встретило возражение со стороны четырех членов Ученого совета, в их числе

³⁷ ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 622.

³⁸ ВГУ, КС 141.

³⁹ WRN, 1835, str. 142; Kor. fil., t. 1, str. 174; Cp. K. *Estreicher*. Bibliografia polska XIX stulecia, t. 2, str. 55. Перевод свой Соболевский хотел посвятить ректору Снядецкому, однако последний решительно этому воспротивился (M. *Baliński*. Pamiętniki o Janie Sniadeckim, t. 1, Wilno, 1865, str. 27—28).

⁴⁰ Materiały do dziejów literatury i oświaty na Litwie i Rusi, t. 1, Wilno, 1935, str. 388.

⁴¹ J. *Oko*. Op. cit., str. 63.

обоих Снядецких, которые в качестве причины своего отрицательного отношения указывали на психическую болезнь Соболевского.

Дело в том, что Соболевский, будучи на последнем курсе университета, перенес глубокое душевное потрясение, основанием которого была, по утверждению Гроддека, несчастная любовь, а всего вероятнее — крайнее переутомление. Хотя Соболевский вскоре поправился и успешно работал на педагогическом и научном поприще, но следы болезни еще были заметны. У него, по словам бывшего ректора Снядецкого, были глаза сумасшедшего. 3 января 1817 г. Снядецкий пишет Чарторийскому: «Гроддек предложил для античной литературы Соболевского, правда, что очень способного молодого человека, но который здесь, будучи кандидатом, около года болел манией, или безумством. Его лечил г. Франк и сказал на заседании, что эта болезнь может возобновиться и что опасно его посылать. С этим согласились и другие медики, но, несмотря на это, он имел *pluralitatem*. Его глаза — всегда глаза сумасшедшего человека...»

Гроддек, невзирая на сопротивление, провел свое предложение, которое, однако, должен был утвердить Чарторийский, как попечитель. В связи с этим он пишет письмо Чарторийскому 25 февраля 1817 г., где обосновывает свой проект и, между прочим, приводит свой разговор с проф. Саундерсом, который сообщил ему, что, как показывает опыт лондонской больницы для умалишенных, рецидив в этой болезни очень редок (лишь 10 на 100). Гроддек указывает на то, что болезнь Соболевского была непродолжительной, что он заболел ненадолго до конца 1811 г., после чего вполне выздоровел и очень успешно работал в области классической филологии (следует перечень уже известных нам работ Соболевского⁴²).

В результате поддержки Гроддека Соболевский был выслан в назначенную командировку, причем Гроддек снабдил его подробной инструкцией⁴³.

Инструкция в конспективном виде излагает и дополняет взгляды Гроддека на цель и методы классической филологии, которые он уже изложил в изданных в 1800 г. «Антикварных исследованиях»⁴⁴. Уже там Гроддек указывал, что целью классической филологии является понимание, объяснение и оценка памятников письменности и искусства античности. Однако там он отдает определенное предпочтение памятникам письменности, в связи с чем подробно излагает методы их изучения, памятникам же искусства отводит подсобную роль. Вследствие этого Гроддек тогда считал излишним излагать методы изучения памятников искусства.

Иначе он поступает в инструкции для Соболевского. Здесь он подчеркивает в самом начале необходимость усвоения истории античного искусства и излагает методы его изучения. В данном случае на лицо

⁴² J. Ōko. Op. cit., str. 61, 62, 63.

⁴³ „Dziennik Wileński“, 1817, t. 6, str. 247—256.

⁴⁴ Antiquarische Versuche von Gottfried Ernest Groddek, Lemberg, 1800.

определенная эволюция взглядов Гроддека в сторону более полного и глубокого восприятия неогуманистических идеалов Винькельмана и Лессинга.

«Наука классической древности должна иметь в виду два крупных предмета: литературу и искусство», — пишет в инструкции Гроддек. Затем определив свое понимание литературы, к которой относится, по его мнению, любой памятник письменности, и указав на обширность предмета — ведь областью изучения античника являются «языки, география, история, мифология, политика, науки, искусства и ремесла, законы, обычаи и нравы классических народов древности», — он выдвигает требование более узкой специализации путем выбора определенного объекта исследований.

В следующем пункте инструкции Гроддек описывает далеко не упорядоченное состояние, в котором находится дошедшее до нас наследие древности, и приходит к выводу, что требуется еще большая и кропотливая работа над изданием и объяснением древних рукописей. В этой связи ученый подчеркивает огромное значение, какое имеет т. н. филологическая критика, которая является основой всей науки о древности. Вот почему Соболевский, выезжая на 3 года за границу для посещения крупнейших культурных центров, как Париж, Рим, Милан, Оксфорд, Берлин, Геттинген, Мюнхен и др., прежде всего должен, по мнению Гроддека, заниматься изучением рукописей в библиотеках под руководством лучших профессоров, напр., консерватора греческих и латинских рукописей Королевской библиотеки в Париже проф. Газе. Овладев искусством палеографии, Соболевский займется исследованием, сопоставлением и, возможно, изданием рукописных текстов одного или двух греческих или римских авторов, обратив особое внимание на т. н. палимпсесты (следует пространное объяснение этого термина с ссылками на Ангело Май и Нибура). Кроме того, требует Гроддек, Соболевский ежедневно определенное время будет читать древних авторов в лучших комментированных изданиях (следует перечень ученых издателей и каталогов книг).

Вторым главным предметом путешествия Соболевского должно быть изучение памятников и истории античного искусства. Для этого Гроддек поручает ему прослушать в Париже курс археологии у проф. Миллена и проштудировать сочинение «первого антиквария в Европе, знаменитого Висконти» «Il museo Pio Clementino». После такой предварительной подготовки Соболевский сможет со знанием дела и пользой изучать во время своего путешествия памятники архитектуры, скульптуры, графики, живописи, а также древние медали, в чем ему будут служить руководством многочисленные пособия, изданные Винкельманном, Милленом, Висконти, Гейне, Лессингом и др.

Таково краткое содержание инструкции. О том, как она выполнялась молодым ученым, мы знаем со слов самого Соболевского. Дело в том, что о ходе своей работы за границей Соболевский обязан был присылать Ученому совету университета регулярные сообщения. 30 декабря 1817 г. он посылает из Парижа первый отчет, в котором описывает свое

путешествие по Германии, прибытие в Париж и первые шаги в этом городе. В отчете перечисляются города, через которые он проезжал, библиотеки и музеи, которые он посетил, имена ученых, с которыми он познакомился, говорится о плане его занятий в научных учреждениях Парижа. Второй отчет помечен 23 апреля 1818 г.⁴⁵ Из него мы узнаем, насколько Соболевский за время пребывания за границей преуспел в своей научной деятельности. Там сообщается, что, пользуясь советами проф. Газе, у которого он прослушал «публичный курс палеологии», он приступил к одной из труднейших работ в своей специальности — к критике текста избранного им греческого писателя. Этим текстом являются письма императора Юлиана, полное издание которых еще не существует. (Действительно, оно было осуществлено 50 с лишним лет спустя Гертлейном, а за ним Райтом⁴⁶.)

Далее Соболевский излагает принципы, которыми он руководствовался при выборе в качестве объекта своих исследований писем императора Юлиана. Он пишет, что, во-первых, решил взять греческого автора, текст которого требует сверки с рукописями, во-вторых, такого автора, «обширность которого отвечала бы времени, каким он для выполнения этой задачи располагает», в-третьих, «который бы давал ему надежду найти в рукописях какую-то часть или фрагменты сочинения, никем еще не опубликованные». Этим всем условиям как раз отвечают письма императора Юлиана. Далее Соболевский подробно перечисляет имеющиеся издания писем, указывает их недостатки и сообщает о находке неопубликованного письма Юлиана к Василию Великому⁴⁷ и о надеждах найти в итальянских и английских библиотеках другие не опубликованные его письма. Целью его является комментированное и критическое издание всех писем после возвращения на родину. Отчет свидетельствует о полной подготовленности Соболевского к самостоятельной научно-исследовательской работе.

Соболевский не был предоставлен за границей самому себе. Его успехами весьма интересовались как Правление университета, так отдельные профессора, и прежде всего Гроддек, с которым Соболевский вел оживленную переписку⁴⁸. Кроме того, как всегда, стипендиаты университета находились под покровительством русского посольства в Париже⁴⁹, с секретарем которого Соболевский даже был в дружеских отношениях⁵⁰. Следует отметить также то обстоятельство, что в Париже тогда проживали и другие стипендиаты Вильнюсского университета

⁴⁵ WRN, 1835, str. 143—151. Подлинник первого отчета, вероятно, затерян, второго — хранится в ВГУ, КС 320.

⁴⁶ Fr. C. Hertlein. *Juliani imperatoris quae supersunt*, Leipzig, 1875—76; *Wilmer Cave Wright*. *The works of the emperor Julian*, t. 1 and 2, London, 1913.

⁴⁷ Вплоть до настоящего времени это письмо считается подделкой. См. *Joseph Bidez*. *L'empereur Julien*, t. 1, p. 2, Paris, 1924, p. XI.

⁴⁸ J. Око. *Op. cit.*, str. 64.

⁴⁹ Ср. Сборник материалов для истории просвещения в России, т. 2, СПб, 1897, стр. 234—235.

⁵⁰ ВГУ, КС 289, стр. 109.

(напр., физик Држевинский), поддерживавшие постоянную связь с Соболевским. Сохранился черновик письма ректора Малевского⁵¹, посланного Соболевскому в Париж 6 июня 1818 г., где выражается надежда, что его путешествие принесет пользу университету и родине. При этом ректор сообщает о согласии университета на выезд Соболевского в Англию и о решении Совета университета увеличить стипендию до 800 руб. на пребывание в Германии и Франции, а на пребывание в Англии или в Италии — до 1000 руб. в год⁵², включая и стоимость проезда. Ректор обещает, что деньги будут высланы в начале июля. К письму ректора было приложено письмо Гроддека⁵³, который выражает свое удовлетворение тем, что Соболевский «преододел... отвращение, внушаемое ему рукописями», и одобряет намеченный им план работы над исследованием писем Юлиана. При этом он советует ознакомиться с новейшей литературой о Юлиане, а именно с сочинениями Неандера и Виггера, опубликованными соответственно в 1812 и 1811 гг. Из письма явствует, что Соболевский выполнял в Париже поручения Гроддека, относящиеся к покупке книг и сообщениям о литературных новинках. Все письмо выдержано в теплом, дружеском тоне. Гроддек дважды называет в нем Соболевского дорогим, хорошим другом и передает поклон от своих детей.

О Соболевском Гроддек с гордостью пишет Чарторийскому 26 ноября 1817 г.⁵⁴, а также 3 июля 1818 г.⁵⁵, где подчеркивает, что «этот молодой человек до сих пор не только оправдал, но даже превзошел мои надежды».

Университет с нетерпением ожидал успешного завершения Соболевским научной командировки, надеясь поручить ему замещение на кафедре классической филологии, ввиду тяжелой болезни Гроддека, конца которой не было видно⁵⁶.

Однако все планы и надежды перечеркнула внезапная болезнь Соболевского, вызванная, вероятно, опять переутомлением⁵⁷. Подробности этого мы находим в письме ректора Малевского князю Чарторийскому от 12 сентября 1818 г. «Мы получили менее приятное известие о г. Соболевском, что он 10/22 июля вышел из квартиры во второй половине

⁵¹ Там же, стр. 31.

⁵² *J. Bieliński. Uniwersytet Wileński, t. 1, Kraków, 1899—1900, str. 353, 358.* Из там помещенных финансовых отчетов университета за 1817 и 1818 гг. явствует, что в 1817 г. Соболевскому было выплачено 600 руб., а в 1818 г. уже 800 руб. Жалование Соболевскому было увеличено вследствие его настоятельных просьб (WRN, 1835, str. 143—151) и ходатайства Гроддека (*J. Oko. Op. cit., str. 64*).

⁵³ Вероятно, то самое, которое опубликовано в WRN, 1840, t. 16, str. 156—159.

⁵⁴ *J. Oko. Op. cit., str. 63.*

⁵⁵ Там же, стр. 64.

⁵⁶ Там же, стр. 65.

⁵⁷ О причинах, вызвавших болезнь, имеются весьма туманные намеки в письме Гроддека Чарторийскому от 8 декабря 1818 г.: „...Je ne m'attendais point à une catastrophe aussi malheureuse, dont la cause partielle qui malheureusement l'a amenée, se trouve pourtant assez clairement dans ces deux dernières lettres...“ (*J. Oko. Op. cit., str. 65*).

дня и на ночь не вернулся... Товарищи искали его через полицию, и 24 июля он был возвращен в состоянии умственного расстройства, и не было другого выхода, как только поместить его при докторе за 400 франков в месяц. В моменты, когда он немного приходит в сознание, он понимает свое состояние, чувствует несчастье и предается горю, мало говорит и то невнятно и с большим трудом, объясняется жестами, никого не хочет слушаться, все с ним силой надобно делать, и начинает переставать есть. Показывал мне г. Гроддек под числом 9 июля направленное ему Соболевским письмо, совершенно здраво написанное... Из всего описания оказывается, что болезнь совершенно похожа на ту, которой он болел в Вильнюсе 10 лет тому назад. Врач считает, что Соболевский не сможет в дальнейшем заниматься большой и постоянной умственной работой...»⁵⁸ Далее ректор высказывает сожаление по поводу того, что Соболевский «ввиду его особенных талантов» потерян для университета, и предполагает, что даже в случае выздоровления придется отозвать его домой. Одновременно⁵⁹ ректор посылает письмо стипендиату Држевинскому с просьбой окружить Соболевского заботами и подумать о его возвращении на родину.

Болезнь Соболевского особенно переживал Гроддек, так как это он настоял на высылке его за границу⁶⁰. Он обращается к Чарторийскому с просьбой оказать помощь Соболевскому, который ее заслуживает как ввиду своих высоких моральных качеств, так вследствие своей одаренности⁶¹.

К концу 1818 г. Соболевский выздоровел. 1 декабря 1818 г. он посылает ректору Малевскому свое первое, после длительного перерыва, письмо⁶², на которое тот незамедлительно отвечает⁶³. Ректор поздравляет Соболевского с выздоровлением и в осторожных выражениях уведомляет о решении университета прекратить субсидирование его заграничной командировки. Одновременно ректор через Држевинского предложил Соболевскому устроиться при русском посольстве в Париже, указав, что университет дает на это свое согласие⁶⁴. Вместе с тем Малевский обещал Соболевскому в случае его возвращения подыскать ему работу «соответственно с его силами». Соболевский не пожелал оставаться за границей и 4 марта 1819 г. вернулся в Вильнюс⁶⁵. Дорожные расходы оплатил университет⁶⁶.

⁵⁸ ВГУ, КС 289, стр. 109.

⁵⁹ Там же, стр. 137.

⁶⁰ *J. Ōko*. Op. cit., str. 65.

⁶¹ Там же.

⁶² Содержание нам не известно.

⁶³ ВГУ, КС 289, стр. 199.

⁶⁴ Там же, стр. 209.

⁶⁵ ВГУ, КС 187, стр. 1390—91; Ср. ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 622.

⁶⁶ Соболевскому было выслано 200 руб. Кроме того, было переслано русскому посольству в Париже 312 руб. для покрытия издержек на лечение Соболевского (*J. Bieliński*. Op. cit., t. 1, str. 363).

4. Преподавание в университете и увлечение библиографией

Университет встретил Соболевского очень тепло. Ректор Малевский немедленно сообщает Чарторийскому о возвращении Соболевского и хлопочет о его судьбе: «...Прибыл в Вильнюс г. Соболевский из Парижа в здравом уме и теле так, будто никогда не болел. Я беседовал с ним и нашел его довольно спокойным в отношении своей судьбы, однако он полагает, что для него будет предусмотрено место, и дал понять, что самым удобным для себя считает быть использованным в библиотеке и что к этой работе он весьма расположен. Это человек талантливый, а наша библиотека нуждается обязательно в человеке, преданном единственно этому делу. Теперь адъюнкты Жуковский и Контрым оглядываются на библиотекаря, последний же занят двумя кафедрами, на которых усиленно работает. Но это остается для позднейшего устройства, между тем всегда г. Соболевский мог бы с пользой быть приспособленным к преподаванию латинских авторов вместо г. Левицкого, о чем Вашей светлости я уже сообщал и решения Вашей светлости ожидаю...»⁶⁷

Вскоре после своего выздоровления Соболевский вручает отделению словесных наук и изящных художеств отчет о проделанной им за границей работе, копию которого ректор 24 марта 1819 г. направляет попечителю⁶⁸.

Оказывается, что Соболевский, кроме исследований греческих и латинских рукописей, занимался еще библиографическими изысканиями и во время своей научной командировки «собрал каталоги различных библиотек, в которых находится 200 с лишним сочинений, относящихся к польской литературе и не упомянутых Бентковским»⁶⁹. Заинтересованный этим сообщением, Чарторийский велел прислать себе дополнительный, более подробный в данном пункте отчет⁷⁰. К выпискам Соболевского проявил интерес и давнишний противник посылки его за границу Ян Снядецкий, который даже вызвался ходатайствовать, чтобы они были опубликованы. И, действительно, «Каталог сочинений, пропущенных в «Истории польской литературы Бентковского» в 1819 г. появился на страницах «Дзенник Виленьски»⁷¹.

Несмотря на благожелательный прием, оказанный университетом, Соболевский не мог в середине года получить оплачиваемую работу. В связи с этим он очутился в затруднительном материальном положении. Понуждаемый своим бедственным состоянием, он 31 мая 1819 г. входит в Совет университета с ходатайством о выплате ему, начиная с 4 марта 1819 г., соответствующего его бывшему положению старшего преподавателя Белостокской гимназии жалования, а также обещанной за состав-

⁶⁷ J. Oko. Op. cit., str. 66.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ F. Bentkowski. Historia literatury polskiej w spisie dzieł drukiem ogłoszonych, Warszawa, 1814.

⁷⁰ J. Oko. Op. cit., str. 66.

⁷¹ „Dziennik Wileński“, 1819, t. 1, str. 442—451, 600—608, 717—728; t. 2, str. 204—210, 541—552.

ление хрестоматии награды в сумме 300 руб. Совет это заявление рассматривал 1 июня 1819 г. и первое из требований отклонил, так как Соболевскому была уже выплачена вся сумма (1000 руб.), предназначенная на его содержание за границей до 1 сентября 1819 г., второе же — согласился удовлетворить. Об этом специальным письмом ректора Малевского от 5 июня 1819 г. был поставлен в известность Чарторийский, а 8 июля 1819 г. соответствующее отношение было направлено в Министерство просвещения. Министр Голицын в выплате награды отказал⁷², однако Соболевский уже до того получил материальную поддержку от университета. Правление университета 2 июня 1819 г. решило в счет его будущего жалования выдать аванс в размере 100 руб.⁷³

Наконец, 1 сентября 1819 г. Соболевский был назначен преподавателем латинских авторов с годичным окладом 500 руб.⁷⁴ Вскоре после этого он получил и квартирные деньги — 166 руб. на период с 23 апреля 1819 г. по то же число 1820 г.⁷⁵

Соболевский преподавал в университете в течение двух лет: в 1819—20 и 1820—21 уч. гг. Затем болезнь заставила его отказаться от преподавательской деятельности.

Четыре раза в неделю он читал: в 1819—20 уч. г. Цицерона «De oratore» и комедии Теренция «Andria» и «Adelfoe», а в 1820—21 уч. г. «Bellum Catilinae» Саллюстия и комедию Плавта «Amphitruo»⁷⁶.

О качестве лекций Соболевского сохранился весьма лестный отзыв его студента Малевского. Последний в письме Мицкевичу от 6 октября 1819 г. сообщает: «Соболевский отлично толкует Теренция и Цицерона»⁷⁷. То же самое утверждает Малиновский, говоря, что Соболевский преподавал «с большой пользой для студентов и славой для себя»⁷⁸.

Данных о более близких связях Соболевского с передовым студенчеством, какие, напр., существовали между проф. Лелевелем и филоматами, у нас нет. Впрочем, их и не могло быть, поскольку актуальные политические и социальные проблемы (национальный, крестьянский вопросы), волновавшие передовую часть общества, по-видимому, не занимали Соболевского.

В эти годы Соболевский активно работает как переводчик, издатель, критик. В 1819 г. он помещает в «Дзенник Виленьски»⁷⁹ перевод статьи Гроддека «Contra iniqua quaedam de veterum linguarum studio iudicia», а в 1821 г. в том же журнале печатает критический разбор диссертации

⁷² ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 622.

⁷³ ВГУ, КС 187, стр. 1480—81.

⁷⁴ ВГУ, КС 141, стр. 217—219; КС 187, стр. 1469, 1480—81. Утверждение Бренштейна, а также многочисленных служебных формуляров Соболевского о том, что он приступил к преподаванию с 1 марта 1819 г., является неправильным. (М. Brensztejn. Op. cit., str. 75).

⁷⁵ J. Bieliński. Op. cit., t. 1, str. 366.

⁷⁶ Praelectiones за соответствующие годы.

⁷⁷ Kor. fil., t. 1, str. 164.

⁷⁸ M. Malinowski. Księga wspomnień, Kraków, 1907, str. 83—84.

⁷⁹ „Dziennik Wileński“, 1819, t. 2, str. 642—651.

профессора Варшавского университета Чампи, изданной в 1820 г.⁸⁰ В 1821 г. эта рецензия выходит отдельной брошюрой. С целью обеспечить своих слушателей текстами разбираемых авторов Соболевский в 1820 г. издает комедию Теренция «Andria» и комедию Плавта «Amphitruo».

Вместе с тем Соболевский продолжает библиографические изыскания. Еще летом 1819 г. он был приглашен графом Хрептовичем в его имение в Щорсах посмотреть в каникулярное время находившуюся там обширную библиотеку для пополнения своих библиографических материалов по польской литературе. Соболевский нашел там несколько редких рукописей и изданий, о которых ранее не было ничего или почти ничего известно, напр., подлинную рукопись Кретьена Готлиба Фризе, озаглавленную «*Récueil de quelques grands hommes de Pologne pour servir à l'histoire de ce pays*», а также издание 1612 г. латинских сочинений Кохановского. Эта и другие неожиданные находки дали совершенно иное направление намерениям Соболевского. Вместо отрывочных дополнений к «Истории польской литературы» Бентковского он решил составить и издать собственный библиографический труд — «Всеобщую польскую библиотеку» по образцу знаменитой «Греческой библиотеки» Фабриция⁸¹. С этой целью Соболевский обратился к князю Чарторийскому с просьбой разрешить ему поехать в его резиденцию в Пулавах и посмотреть тамошнюю библиотеку, в которой он надеялся найти много для себя ценного. Просьба его была удовлетворена таким образом, что он 20 июня 1820 г. был направлен в Пулавы за счет университета, который выделил на эту цель 150 руб.⁸², и мог там в течение трех месяцев собирать нужные ему библиографические материалы⁸³. Результаты трудов в Пулавской библиотеке Соболевский представил в отчете, который слушался на заседании ученого Совета университета 15 ноября 1820 г.⁸⁴

Как видим, библиографическая работа захватывает Соболевского все больше. О его глубоких и обширных познаниях в области польской библиографии свидетельствует его обстоятельный обзор двухтомного сочинения Иосифа Максимилиана Оссолинского под названием «*Wiadomości historyczno-krytyczne do dziejów literatury polskiej, o pisarzach polskich, także postronnych, którzy w Polsce albo o Polsce pisali, oraz o ich dziełach...*», вышедшего в 1819 г. в Кракове. Этот обзор Соболевский, начиная с 1820 г., в течение трех лет печатал по частям в журнале «Дзенник Виленьски»⁸⁵.

⁸⁰ „Dziennik Wileński“, 1821, t. 1, str. 202—229.

⁸¹ „Dziennik Wileński“, 1819, t. 2, str. 552. Cp. WRN, 1835, str. 137, 139; ВГУ, КС 320.

⁸² J. Bieliński. Op. cit., t. 1, str. 366.

⁸³ ВГУ, КС 141; Cp. WRN, 1835, str. 137.

⁸⁴ ВГУ, КС 320; „Dziennik Wileński“, 1821, t. 1, str. 92.

⁸⁵ „Dziennik Wileński“, 1820, t. 1, str. 1—26, 189—213, 272—295, 405—438; t. 2, str. 177—209; 1821, t. 1, 1—29; t. 2, str. 431—446; t. 3, str. 33—67, 249—282; 1812, t. 2, str. 170—200. Обзор шел без подписи, однако о принадлежности его Соболевскому свидетельствует сам Оссолинский („Dziennik Warszawski“, 1825, t. 2, str. 50—51).

Отмечая оживленную научную деятельность Соболевского, университет 16 февраля 1821 г. присвоил ему ученое звание адъюнкта. Трудолюбие и талант молодого ученого получили официальное признание.

Напряженная работа истощила силы Соболевского. Болезнь возобновилась. 7 марта 1821 г. сын ректора Ф. Малевский сообщает Петрашкевичу, что «Соболевский несколько дней тому назад снова сошел с ума»⁸⁶. И на этот раз через несколько месяцев наступило выздоровление, однако Соболевский не вернулся к преподаванию. Состояние его здоровья требовало менее регламентированной работы. Отныне он решает посвятить себя полностью библиографии.

5. Вторая научная командировка за границу

Университет, сохранив за Соболевским оклад адъюнкта, 31 декабря 1821 г. командировал его вторично для продолжения библиографических исследований в Пулавы. Здесь, вероятно, в беседах с Чарторийским возник новый проект, чтобы Соболевский обследовал библиотеки Краковскую, графа Оссолинского в Вене и Императорскую публичную в Петербурге. При поддержке попечителя было получено согласие университета и, кроме оставления за Соболевским его нормального жалования, выхлопотана субсидия в размере 750 руб.⁸⁷

Соболевский выехал из Пулав 20 ноября 1822 г.⁸⁸ и, минуя Краков, направился в Вену.

Пребывание в Вене затянулось на два года. По предложению попечителя от 2 ноября 1823 г., университет вторично выделил Соболевскому пособие в сумме 750 руб.⁸⁹ Наконец 25 марта 1825 г. он покидает Вену⁹⁰ и 28 апреля возвращается в Вильнюс⁹¹.

Снабженный рекомендательными письмами знаменитого филолога-слависта, составителя словаря польского языка и генерального директора библиотеки Варшавского университета Линде⁹², а также, несомненно, Чарторийского⁹³, Соболевский был радушно встречен Оссолинским, по настоянию которого он и оставался в Вене так долго⁹⁴. Пригладившись к Соболевскому и убедившись в его научной подготовке и рвении, Оссолинский, некоторое время спустя, дважды дает о нем Чарторийскому прекрасные отзывы⁹⁵. Эта оценка не расходится с мнением и других ученых, как об этом свидетельствует переписка Соболевского с русским канцлером графом Румянцевым, относящаяся к тому же периоду⁹⁶.

⁸⁶ Kor. fil., t. 3, str. 197.

⁸⁷ ВГУ, КС 290, письмо № 39; J. Bieliński. Op. cit., t. 1, str. 372.

⁸⁸ ВГУ, КС 23, стр. 31.

⁸⁹ J. Bieliński. Op. cit., t. 1, str. 372.

⁹⁰ ВГУ, КС 320.

⁹¹ WRN, 1835, str. 138.

⁹² Там же, стр. 156.

⁹³ Там же, стр. 157.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ „Dziennik Warszawski“, 1825, t. 2, str. 37—57; WRN, 1835, str. 158—160.

⁹⁶ WRN, 1835, str. 152—155.

О результатах своей длительной командировки Соболевский устно доложил Ученому совету университета 15 мая 1825 г., а 15 июня того же года представил письменный отчет⁹⁷.

В сокращении они представляются следующим образом:

1) пять томов in 4° записей без помарок в алфавитном порядке по авторам (500 с лишним листов, свыше 6000 статей). Они заключали в себе сведения о редких, интересных, малоизвестных или почти неизвестных авторах и сочинениях во всех отделениях наук, добытые в двух знаменитых и богатейших библиотеках: Пулавской князя Чарторийского и Венской графа Оссолинского. Они вмещали также извлечения из редчайших зарубежных сочинений, в которых были упомянуты польские писатели, даны рецензии их сочинений или отзывы о них. Относительно менее редких записи указывали лишь источник, из которого еще следовало черпать. В данном отношении наиболее полно была использована Императорская библиотека в Вене;

2) Для исправления Бентковского Соболевский имел под рукой один экземпляр и туда вносил дополнения, поправки и критические замечания. Их число сравнялось с тем, что опубликовал Бентковский;

3) Так же поступил Соболевский и с поэтическим словарем Юшинского, дополнения к которому он брал, впрочем, только из библиотеки Оссолинского.

6. Соболевский — директор университетской библиотеки

1 мая 1825 г. Соболевский был включен в состав комиссии для проверки университетской библиотеки в связи с кончиной бывшего ее директора Гроддека. Есть сведения, что Соболевскому было тогда же предложено возглавить одну из освободившихся кафедр античной литературы⁹⁸, однако он, помня о своем недуге, не принял этого предложения и лишь согласился занять пост директора библиотеки, на который и был назначен 6 мая 1826 г.

Должность директора библиотеки не была обременительной и предоставляла большие возможности для плодотворной научной деятельности. Следует предполагать, что Соболевский после своего назначения мог бы не только осуществить план издания «Всеобщей польской библиотеки», но и читать в университете курс общей библиографии, который он готовил, если бы не все ухудшавшееся его здоровье, подорванное частыми припадками нервного расстройства, после которых он вынужден был бросать всякую работу и выезжать на отдых в деревню⁹⁹.

Все же, даже при таком слабом здоровье, Соболевский сумел подготовить и издать несколько школьных учебников: в 1826 г. — латинские хрестоматии для II и III класса уездных училищ; в 1827 г. — латинскую хрестоматию для I класса уездных училищ и латинскую хрестоматию,

⁹⁷ ВГУ, КС 320.

⁹⁸ WRN, 1835, str. 138.

⁹⁹ M. Brensztejn. Op. cit., str. 79 i 83.

представляющую собой очерк древней истории (за исключением римской) для I класса гимназий.

В 1826—27 и 1827—28 уч. гг. Соболевский, как об этом информируют расписания лекций за эти годы, должен был читать два раза в неделю общую библиографию. В действительности, он к чтению этого курса не приступал и, вероятно, даже не подготовил его¹⁰⁰.

Некоторое время Соболевский руководил работой специального комитета для описания нумизматической коллекции, привезенной из Кременецкого лицея. Комитет этот был создан по указанию Николая I 19 сентября 1827 г. в составе: Соболевский, Иохер, Богаткевич, Жуковский, Бобровский, Кукольник, Гриневиц и Горский. После приведения в порядок коллекции большинство членов 11 января 1830 г. получили правительственные награды. Фамилия Соболевского в списке награжденных отсутствует¹⁰¹. По всей вероятности, его участие в проделанной работе было незначительным. Заслуги Соболевского по службе были отмечены немного раньше, когда 28 апреля 1828 г. он был «удостоен высокого монаршего благоволения»¹⁰². Последние годы его жизни были «мерцанием угасающей лампы»¹⁰³. Соболевский все более слабел и 10 июля 1830 г. скончался.

Малиновский в своих «Воспоминаниях»¹⁰⁴ утверждает, будто Соболевский страдал алкоголизмом. Это, конечно, досужий вымысел, равно как и то, что Соболевский был автором пасквиля на ректора Малевского, о чем также говорит и Юндилл¹⁰⁵. Работоспособность Соболевского, всеобщее уважение, каким он пользовался до конца своих дней¹⁰⁶, наконец, отсутствие какого-либо намека на этот порок со стороны его ближайших сотрудников, напр., Богаткевича, заставляют нас решительно отвести первое подозрение. Второе не менее нелепо. Издатель «Мемуаров» Юндилла Курпель в сноске на странице 93 считает, что это сплетня, так как «тон писем Л. Соболевского, которые были в руках у Владислава Мицкевича, полон уважения к ректору». Курпель в данном случае присоединяется к мнению В. Мицкевича, высказанному в его книге об отце. Сам по себе пасквиль, конечно, мог существовать. В то время шла борьба между ревнителями прежних порядков в университете и сторонниками реформы его. К первым принадлежал Юндилл и ректор Малев-

¹⁰⁰ Курс общей библиографии, начиная с 10 января 1829 г., читал помощник Соболевского по библиотеке Богаткевич.

¹⁰¹ *M. Brensztejn*. Op. cit., str. 79. Иначе в ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 1729, л. 234.

¹⁰² ЦГИА, ф. 567, оп. 2, д. 2530. Иначе WRN, 1835, str. 140.

¹⁰³ WRN, 1835, str. 140.

¹⁰⁴ *M. Malinowski*. Księga wspomnień, str. 83—84.

¹⁰⁵ *Pamiętniki ks. Stanisława Jundzill*a profesora Uniwersytetu Wileńskiego, Kraków, 1905.

¹⁰⁶ Владислав Мицкевич замечает, что, «если бы Л. Соболевский предавался пьянству, не стал бы его так горячо и публично хвалить Оссолинский, а сам он, несмотря на преждевременную смерть, не оставил бы столько книг и так обильных рукописных материалов» (*W. Mickiewicz*. *Zywot Adama Mickiewicza*, t. I, Poznań, 1929, str. 100).

ский, главою последних был Чарторийский. Недоброжелатели, видя близость Соболевского к Чарторийскому, вполне могли возвести на него этот поклеп¹⁰⁷.

II. ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ЛЮДВИКА СОБОЛЕВСКОГО

Количество печатных работ Соболевского невелико, однако они представляют большой исторический интерес как свидетельство оживленной научной работы, которая велась Вильнюсским университетом в области филологии и библиографии в первой четверти XIX в.

Научные устремления Соболевского были весьма разнообразны. Он проявил себя как переводчик античных писателей и популяризатор неогуманистических идей, проповедуемых Гроддеком, как составитель школьных учебников по латинскому языку и автор ряда библиографических статей. По общему мнению современников, Соболевский был талантливым, растущим молодым ученым. Конкретное рассмотрение его наследия не только позволяет согласиться с этим мнением, но и сделать вывод, что в некоторых пунктах Соболевский превзошел своего учителя Гроддека.

1. Переводы

Перевод оды Горация I 3 Соболевский называет подражанием, однако творческое соревнование с Горацием ему явно не под силу. Он прилежно выполняет все, что полагается делать поэту-подражателю: отталкивается от своего образца, развивает мысли подлинника, создает на его основе новые образы, но этим лишь ослабляет эстетическое воздействие стихов. Дело в том, что сжатые, но выразительные, скупые, но содержательные выражения и образы Горация у Соболевского растягиваются добавлением синонимических эпитетов, ненужными повторениями. Напр., знаменитые строчки, где мысль предельно сжата *audax omnia perpeti gens humana ruit per vetitum nefas*, превращаются в растянутое четверостишие:

Nic go nie wstrzyma, nic nie zagrodzi,
Za nic mu rygle, tamy, zapory,
Bo w przedsięwzięciach śmiertelnik skory
Najdalej sięga, gdzie się nie godzi.

¹⁰⁷ Ничего достоверного не знает об этом и Ф. Малевский (сын ректора), который пишет в письме друзьям 4 февраля 1822 г. (Kor. fil., t. 4, str. 139): «Если бы только лучше знали и он (секретарь Чарторийского Добровольский — Е. Ф.), и попечитель положение дел (в университете — Е. Ф.)! Соболевский подал докладную с этой целью; не знаю этого с полной уверенностью, но догадываюсь, зная, что он выехал из Вильнюса раздраженный. Будет там много желчи, личного, но будет и правда» и т. д. Малиновский (op. cit.) указывает, что следствием вручения Соболевским пасквиля попечителю было то, что последний воспротивился высылке его за границу (Малиновский путает здесь первую заграничную командировку Соболевского со второй — Е. Ф.), и с этим совпадало бы сообщение Ежовского в письме Мицкевичу от 29 сентября 1822 г. (Kor. fil., t. 4, str. 272): «А Соболевский на представление князя (Чарторийского — Е. Ф.) не получил паспорта в Вену и Краков». Однако, как мы знаем, Чарторийский не только не чинил препятствий Соболевскому, но, наоборот, всячески опекал его.

Гораздо лучше выходят места, где Соболевский отказавшись от подражательной манеры, как он ее понимает, дает равноценный, поэтический перевод. Здесь он обнаруживает подлинное поэтическое дарование, важной стороной которого является умение без ущерба для мысли и образа не выходить за пределы подлинника. Примером может служить перевод строфы:

Nequiquam deus abscondit
Prudens Oceano dissociabili
Terras, si tamen impiae
Non tangenda rates transiliunt vada.

Próżno dalekie światy i ziemie
Przecięły morza burzliwe fale;
Kiedy swą łodzią zbrodnicze plemię
Nietknięte wody gwałci zuchwale.

То же самое следует сказать и о подражании оде Горация I 4, где мы находим еще больше слабых мест.

Также знаменитое анакреонтическое стихотворение в переводе Соболевского потеряло свою привлекательность, стало растянутым¹⁰⁸.

Хорошо лишь передан тот отрывок, где Соболевский точно следует за своим образцом. Здесь он находит и соответствующие выражения, не выходя за рамки подлинника:

ὄλῳλα, μάτερ, εἰπεν...
ὄφης μ' ἔτυφε μικρός
πτερωτός...

Mały wężycek skrzydlaty
Zakradłszy się między kwiaty
W rękę mię ugodził skrycie.
Ach!.. Ach, mamó, tracę życie...

Итак, несмотря на отдельные удачные выражения, подражания Соболевского не удовлетворяют наших эстетических требований. Совершенно иначе дело обстоит с переводом Софокла, который следует занести в список переводческих достижений Соболевского. Поэтический перевод пародоса хора «Трахинянок» передает приподнятый тон подлинного текста и в то же время является предельно сжатым. Соболевский, за одним исключением, не выходит за рамки подлинника. Примером могут быть стихи 107—111:

---ἀλλ' εὖ-
μναστον ἀνδρὸς δεῖμα τρέφουσιν ὁδοῦ
ἐνθυμίοις εὐναῖς ἀνα-
δρώτοιδι τρύχεσθαι, κακὰν
δύστανον ἐλπίζουσιν αἰσαν.

A na męża pomniąc drogę,
Na łóżach bez niego smutnych,
Straszną w piersiach karmi trwogę,
Wygląda losów okrutnych!

Как подражания, так и перевод даются рифмованные, причем, конечно, совершенно не учитывается подлинный размер (ритм).

В целом Соболевский дал весьма интересные пробы пера, которые предвещали дальнейшие успехи в этой области. К сожалению, больше Соболевский к переводу поэтов не возвращался.

Сохранился и образчик перевода прозы, который интересен тем, что представляет собой лепту, внесенную Соболевским в дело популяризации неогуманизма в Литве.

¹⁰⁸ Анакреонтическое стихотворение № 33 (Бергк) Соболевский считал произведением самого Анакреонта. В его времена такое мнение было общепринятым.

Гроддек выработал целую систему взглядов на роль и значение античности в воспитании молодежи, в основе которой лежал главный тезис неогуманистов, что изучение античной литературы и древних языков является лучшим средством для развития умственных способностей и высоких нравственных качеств человека. Гроддек настойчиво пропагандировал эту мысль в печати и в своих лекциях, в повседневном общении со студентами. Его подерживают ученики. Так, в 1819 г. статью Гроддека, содержащую опровержение аргументов против обучения древним языкам, перевел для периодической печати Соболевский¹⁰⁹. Не подлежит никакому сомнению, что и другие ученики Гроддека в какой-то мере были проводниками неогуманизма в Литве.

Центральным пунктом статьи Гроддека является формулировка главного постулата неогуманистов в вопросе методики воспитания молодежи: формальное образование должно предшествовать образованию материальному¹¹⁰. «Прежде, чем образовывать воина, земледельца, юриста, врача, служащего, мы должны образовывать человека». В дальнейшем дается конкретизация этого пункта: развитие памяти и силы суждения, воспитание чувства красоты и вкуса, выработка логического мышления, развитие склонности к исследованию трудных и скрытых вещей, укрепление честности и добродетели, развитие стремления к истинной славе.

Принятие этого пункта в качестве посылки влечет за собой вывод о превосходстве классического типа образования над всеми другими, так как именно оно дает нужный эффект и обогащает ум человека знаниями о древнем мире, положившем, за небольшим исключением, начало современным наукам.

Признание за древними языками познавательного значения свидетельствует о стремлении Гроддека занять среднее место между безоговорочными защитниками формального образования в общеобразовательной школе и их противниками, сторонниками теории материального образования, однако, поскольку формальная основа у Гроддека превалирует, мы должны его считать представителем педагогических принципов неогуманизма.

Для нас, естественно, вышеизложенные взгляды Гроддека неприемлемы. Советская педагогика, во-первых, говорит о единстве процесса овладения основами наук и развития умственной деятельности учащихся при наличии целенаправленного руководства педагога. Во-вторых, преувеличенное внимание к изучению древних языков вело бы к отрыву учащихся от жизни, в недостаточной мере способствовало бы воспитанию их в духе идей коммунизма.

Система воспитания, защищаемая Гроддеком, не была самой лучшей и для его эпохи. Классическая школа в лучшем случае насаждала либерализм, который вскоре стал тормозом на пути социального прогресса. Однако в первой четверти XIX в. отрицательные черты либерализма еще полностью не обнаружились, и неогуманистическая система воспитания могла приносить положительные плоды.

Все же в некотором отношении уже тогда взгляды Гроддека были реакционными. Мы имеем в виду его требование, выдвигаемое им в рассматриваемой статье, чтобы считать достойными обучения лишь «свободных и благовоспитанных людей».

Гроддек необычайно обрадовался, узнав от Чарторийского о совпадении своих взглядов со взглядами небезызвестного австрийского реформатора просвещения Биркенштока, который считал, что обучение должно быть приспособлено к потребностям отдельных социальных групп или классов, что не следует облегчать крестьянину, даже одаренному, выходить за рамки примитивного быта, предназначая науку исключительно для аристократии¹¹¹.

¹⁰⁹ „Dziennik Wileński“, 1819, t. 2, str. 642—651.

¹¹⁰ Термины формальное и материальное образование здесь и в дальнейшем употребляются в их общепринятом в советской педагогике значении. Формальное образование обозначает совершенствование умственных способностей человека, материальное образование — овладение «полезными знаниями» (БСЭ, т. 45, стр. 316, т. 26, стр. 511; Ср. Педагогика, М., 1956, стр. 92—94).

¹¹¹ FKW, str. 74.

Лучшие последователи и ученики Гроддека — Мицкевич, Ежовский и др., образовавшие впоследствии тайное «Общество филоматов», преодолели в данном вопросе ограниченность учителя. Для Соболевского же, по-видимому, этот вопрос не имел принципиального значения. Для него важнее всего была пропаганда классической филологии, которой Гроддек уделил так много места.

Перевод Соболевского точно передает содержание подлинника и написан прекрасным польским языком, т. е. является реалистическим, полноценным. Соболевский в данном случае пошел дальше Гроддека, требовавшего от переводчика, чтобы последний не отступал от подлинника ни на шаг и сохранял своеобразный стиль древних авторов, столь отличный от стиля современных писателей. Отсюда и его требование точности без учета интересов читателя, для которого важно прежде всего, чтобы перевод был понятен и удобочитаем. Попытки дать такой перевод вызвали резкую критику Гроддека¹¹².

Требования Гроддека, однако, корректировались влиянием других профессоров, прежде всего, проф. реторики и поэзии Ев. Словацкого и Л. Боровского. В результате столкновения двух тенденций сложились примерно те самые принципы перевода, которых мы придерживаемся сейчас¹¹³. Этим объясняется, что переводы Соболевского, Ковалевского и других филологов школы Гроддека стоят на высоком уровне и производят прекрасное впечатление на современного читателя.

Обратимся к примерам.

При передаче специфических латинских оборотов *intelligi volo, obtrectare volunt, invidere velle* Соболевский, согласно с духом польского языка, оставляет формы *volo, volunt, velle* без перевода. Также он поступает и в выражениях *refelli appareat, (omnium maxime) conferre in confesso est, num... rationem... parum profuturam esse... confitemur?*, которые переводит простыми *zbija, pomaga, czyż sztuka... mało może przy- nieść korzyści?*

К особенностям латинского языка относится широкое употребление фигуры, носящей название *hendiadys*, когда для усиления или уточнения понятия автор пользуется сочетанием двух однозначных или почти однозначных слов. При переводе, исходя из правил языка, на который делается перевод, приходится переводить: два существительных — существительным с прилагательным, два глагола — глаголом с наречием или давать одно слово. Так именно и поступает Соболевский, причем он предпочитает последний из перечисленных нами способов перевода. Напр., он переводит *usu et lectione* — *na czytaniu, temporis studii* — *pracy, curari ac promoveri* — *kierować, tueri ac defendere* — *wesprzeć*, не говоря уже об общезвестном выражении *via et ratione* — *metodą*.

К положительным качествам перевода Соболевского относится и замена образа образом, хотя и взятым из другой области, напр., *ipsos vineta sua caedere* — *sami na siebie oręż podają*. Если невозможно точно перевести сложно-подчиненное предложение с несколькими при-

¹¹² J. Ōko. Op. cit., str. 24—25.

¹¹³ ВГУ, КС 380.

даточными, то Соболевский совершенно правильно разбивает его на несколько самостоятельных предложений или же в середине предложения повторяет сказуемое.

В некоторых местах для избежания длиннот Соболевский прибегает просто к сокращениям, но делает это осторожно и умеренно, без нарушения смысла подлинника.

Конечно, перевод Соболевского не лишен и недостатков, однако они представляются незначительными. В целом его перевод следует признать отличным, особенно учитывая то обстоятельство, что искусство перевода в его время еще только зарождалось и формировалось.

2. Рецензия диссертации профессора Чампи

Проф. Чампи¹¹⁴ в течение нескольких лет во время летнего отпуска писал и издавал коротенькие научные статьи на латинском и итальянском языках под общим названием «*Feriae Varsavienses*». О двух первых сборниках появились положительные, но довольно поверхностные (особенно первый) отзывы в «Дзенник Виленьски»¹¹⁵. В них отмечались глубокое знание предмета и доступность, ясность изложения. Совершенно противоположное мнение о Чампи высказывает Соболевский, разобравший третий сборник его статей¹¹⁶ в том же журнале за 1821 год¹¹⁷. В обстоятельной рецензии Соболевский убедительно доказывает необоснованность, а в отдельных случаях (статья о предлоге *av*) ничемность рассуждений Чампи, попутно уличая его в стилистических и грамматических погрешностях.

Наибольший интерес представляют замечания Соболевского по поводу второй и третьей статей сборника. Разбор их свидетельствует не только о большой его эрудированности и овладении основами филологической критики, но и раскрывает его собственные методологические принципы.

Во второй статье речь идет об известном письме Цицерона историку Лукцею¹¹⁸. В нем Цицерон для обоснования тезиса, что «людям, не испытывавшим никакого личного горя и лишь безболезненно взирающим на чужие злоключения, уже одна возможность сочувствия другим доставляет удовольствие», приводит исторические примеры смерти Эпаминонда и печального конца жизни Фемистокла. При этом Цицерон вопрошает: *Cuius studium in legendo non erectum Themistoclis fuga redituque tenetur?* Слово *redituque* было камнем преткновения в объяснении данного места, пока его не исправил на *interituque* Гиероним Феррарий. Однако *interituque* является конъектурой, не подкрепленной чтением рукописей.

¹¹⁴ Итальянский филолог, проф. греческой литературы Варшавского университета в 1818—1822 гг.

¹¹⁵ „Dziennik Wileński“, 1819, t. 1, str. 439—441; 1820, t. 1, str. 375—379.

¹¹⁶ *Feriae Varsavienses, sive quae vacans ab academicis lectionibus scribebat mens augusto anni MDCCCXX Sebastianus Ciampi...*, Mediolani, MDCCCXX, 26 pag., in 4°.

¹¹⁷ „Dziennik Wileński“, 1821, t. 1, str. 202—229.

¹¹⁸ Ad fam, V, 12.

Поэтому Чампи оставляет в тексте слово *redituque* и пытается обосновать это чтение.

Соболевский, основываясь на Фукидиде в передаче Непота (биография Фемистокла), категорически оспаривает утверждение Чампи о том, что слово *reditu* в традиционном тексте Цицерона обозначает посмертное возвращение Фемистокла в Афины, т. е. перенесение его останков в Атику и сооружение ему надгробного памятника, о чем имеется упоминание у Павзания (*Attica* с. 2): *φασὶ γὰρ μεταμελῆσαι τῶν ἐς Θεμιστοκλέα Ἀθηναίους* и т. д. Соболевский указывает, что гипотетическая форма выражения Павзания свидетельствует о его неуверенности в правильности своих слов и что оно не может идти ни в какое сравнение с совершенно недвусмысленным заявлением Фукидида.

Таким образом, заключает Соболевский, доказательства Чампи в пользу чтения *reditu* являются недостаточными, противоречащими исторической традиции.

Ход рассуждений Соболевского покоряет своей логикой. Читатель ему верит, но у него еще нет ответа на вопрос, что по этому поводу думает сам Соболевский. Последний предвидит неудовлетворение читателя лишь негативными результатами рассуждения и излагает ему свою точку зрения: «Если бы мне пришлось объяснять кому-либо эту мысль Цицерона, я бы в сжатой форме привел все толкования, предложения и ухищрения комментаторов, показал, в чем заключается трудность, и в конце признался, что мысли Цицерона отгадать не умею». Неожиданная, на первый взгляд, постановка вопроса, но неожиданная только для непосвященных. В действительности же подход Соболевского к данному вопросу свидетельствует о нем, как об осмотрительном и искушенном в превратностях филологической критики ученом.

Еще более благодарную почву для критики Соболевский находит в третьей статье Чампи, в которой последний пытается доказать, что известное письмо Сульпиция Цицерону в связи со смертью дочери последнего Туллия является подложным и представляет собой ученическую декламацию.

Соболевский обнаруживает у Чампи путаницу в именах, датах, упоминает его в незнании таких фактов, как тот, что Туллия была три раза замужем и т. п. Напоследок выясняется, что Чампи не следит за научной литературой и не знаком с вопросом о подложности речи Цицерона «К квиритам»¹¹⁹.

Заключительная часть рецензии написана очень убедительно. Соболевский проявил в ней великолепное знание античной литературы, полную осведомленность в актуальных проблемах науки и незаурядные полемические способности. По этой коротенькой работе мы можем пред-

¹¹⁹ Так полагали лучшие ученые того времени, напр., Вольф в своем издании *M. Tullii Ciceronis quae vulgo feruntur orationes quattuor I Post reditum in senatu, II Ad Quirites post reditum, III Pro domo sua ad pontifices, IV De haruspicum responsis*, Berolini, 1801. Вскоре вопрос о подлинности этих речей был пересмотрен и решен положительно.

ставить себе, как много потеряла классическая филология с отходом от нее Соболевского, переквалифицировавшегося в библиографа.

В результате выступления Соболевского доверие к Чампи было поколеблено, и его авторитет как ученого сильно пошатнулся. Через год он покидает Варшавский университет.

Рецензия была написана сразу же после получения сборника, и еще в рукописи стала известна студентам¹²⁰. Редакция «Дзенник Виленьски», вероятно, ввиду отсутствия места, напечатала ее лишь в 1821 г. Разнос писаний Чампи был встречен всеобщим одобрением в Вильнюсе. Малевский в письме Петрашкевичу пишет 7 марта 1821 г.: «Здесь Соболевский Людвик надел колпак на Чампи; высмеял его и прославил как невежду...»¹²¹

3. Издания

Издательская деятельность Соболевского началась очень рано. Еще в студенческие годы он подготавливает к печати сокращенное издание Ветхого завета Ломонда и составляет к нему латино-польский словарь. Затем он издает Евтропия, «Андрианку» Теренция и «Амфитриона» Плавта.

Все эти издания были вызваны потребностями средней и высшей школы, которая нуждалась в чистых или же с небольшими примечаниями текстах при прохождении данного произведения под руководством преподавателя.

Подробности издания Евтропия нам не известны. Вероятно, это простая перепечатка какого-то немецкого издания. Предисловия и примечания отсутствуют. Нет даже имени Соболевского, подготовившего текст к печати. Лучше оформлена «Андрианка»¹²². Она предварена небольшим обращением «к читателю», где автор излагает свои соображения о пользе такого рода публикаций текстов античных писателей, «ни перегруженных излишней ученостью, ни вовсе лишенных объяснений, касающихся вещей и языка». После краткого перечисления достоинств комедий Теренция Соболевский сообщает о своем намерении издать в дальнейшем остальные пьесы этого писателя. В конце он дает сведения об изданиях, которые положены в основу книги. Текст пьесы Соболевский перепечатал с т. н. Бипонтийского издания Теренция, примечания же взял и из него, и из известной «Энциклопедии латинских классиков», составленной для школ и изданной в Брауншвейге в 1790 г. Шульце и Гойзингером. Кроме того, как об этом он сам предупреждает, текст пьесы укорочен согласно с изданием для школ того же Шульце.

Поскольку мы не могли сличить текст и примечания издания Соболевского с вышеуказанными образцами, ничего конкретного не можем сказать об этой стороне его работы. По-видимому, Соболевский расши-

¹²⁰ Kor. fil., t. 2, str. 213.

¹²¹ Kor. fil., t. 3, str. 196.

¹²² Andryanka (Andria) komedya Terencyusza do użytku szkół przystosowana przez Ludwika Sobolewskiego, Wilno, 1820.

рил примечания Шульце ссылками на различных древних комментаторов, как Доната, Сервия, а также на древних писателей, напр., Менандра (с приведением греческого текста), Плавта, Цицерона, Вергилия, т. е. придал им более научный вид. Об этой тенденции свидетельствует также некоторое подобие критики текста.

Как учебное пособие, издание Соболевского отвечало своему назначению и имело успех. Об этом у нас есть некоторые сведения. Напр., Малевский 8 марта 1820 г. пишет Мицкевичу: «Посылаю «Андрианку», так как не знаю, есть ли она у тебя»¹²³. С другой стороны, лучшие студенты жалуются на «скудность» объяснений. Напр., Ежовский в письме Мицкевичу от 7 декабря 1819 г. сообщает: «Четыре комедии Теренция собирается здесь издать Соболевский и уже одну печатает, но с куцыми объяснениями. Однако он упредил в намерении Якубовича из Свислочи, который хотел издать всего Теренция»¹²⁴. В 1820 г. в журнале «Тыгодник Виленьски»¹²⁵ появилась безымянная рецензия «Андрианки» Соболевского, которую из-за ее краткости скорее следовало бы назвать заметкой. Рецензия выдержана в похвальном тоне. Ее автор указывает, что пример Соболевского достоин подражания, особенно подчеркивая значение примечаний, в которых путем сопоставления с латинским языком раскрываются и приумножаются богатства родного языка.

За подготовку к печати «Андрианки» Соболевский получил приличный гонорар от своего издателя Завадского. Об этом мы узнаем из письма Ежовского, посланного 12 апреля 1820 г. Мицкевичу. Ежовский, у которого были затруднения с изданием его Горация, сообщает, что «Завадский мог бы платить на тех же условиях потому, что платит и Соболевскому и ожидает от этого большую прибыль»¹²⁶.

Перегруженность работой, вероятно, не позволила Соболевскому так же тщательно подготовить издание «Амфитриона» Плавта. Оно вышло в свет без примечаний в том же, 1820, году¹²⁷.

Остается рассмотреть составленные Соболевским хрестоматии. О составленных Соболевским хрестоматиях некоторые сведения сообщает он сам в обращении «к читателю», помещенном в его издании¹²⁸.

В этом «обращении» Соболевский находит нужным, прежде всего, обосновать целесообразность хрестоматийного издания древних авторов. Сжато изложив противоположное мнение, он приводит ряд аргументов в пользу издания. «Обращение» знакомит нас со взглядами Соболевского на методику преподавания древних языков в средней школе.

Во-первых, Соболевский указывает, что в обучении языкам, как и в каждом деле, следует сохранять разумную последовательность, т. е.

¹²³ Kor. fil., t. 2, str. 4.

¹²⁴ Kor. fil., t. 1, str. 318.

¹²⁵ „Tygodnik Wileński“, 1820, t. 9, str. 28—30.

¹²⁶ Kor. fil., t. 2, str. 24.

¹²⁷ Сам Соболевский в перечне своих работ (ВГУ, КС 141) ошибочно указывает дату публикации 1821 г.

¹²⁸ Wypisy łacińskie zawierające w sobie główne rysy historyi starożytnej (Wyjawszy rzymską). Do użytku szkół zastosowane, Wilno, 1827.

идти от более легкого к более трудному и сложному. Это позволяет сделать лишь хрестоматийный выбор текста.

Во-вторых, он считает, что для знакомства с автором, характером его творчества и языков не обязательно читать все его сочинения. Достаточно, если их прочтает учитель, без которого ученики, даже если бы они читали все сочинения, все равно не могли составить себе о них правильного мнения.

В-третьих, Соболевский поясняет, что, поскольку целью школьного обучения является лишь подготовка учеников в самостоятельной работе над классическими авторами, как об этом гласит и школьная инструкция, то к достижению этой цели лучше ведет знакомство с многими писателями в отрывках, чем с одним писателем полностью. При этом он ссылается на авторитет виднейших филологов и педагогов, как Гесснер, Строт, Гедике, Деринг, Якобс и др. Соболевский соглашается с тем, что многим учителям претит хрестоматийное чтение, однако требует, чтобы они свои вкусы подчиняли потребностям учеников.

Следует признать, что в вопросе о целесообразности или нецелесообразности хрестоматийных изданий взгляды Соболевского сохраняют актуальность и по сей день. Другое дело — составление самих хрестоматий, расположение в них материала и выбор текстов. Здесь расхождение с современной методикой, особенно в части, предназначенной для начального обучения, неизбежно. И действительно, хрестоматия для I класса (1827 г.) составлена по совершенно другому плану, чем это делается теперь.

Отсутствует необходимое, на наш взгляд, постепенное изложение грамматики по склонениям и спряжениям. Особенно это касается спряжений. В хрестоматии для I-го класса Соболевский в одной и той же главе (напр., на стр. 10 — спряжение *sum*) нагромождает примеры на формы всех времен и наклонений с прибавлением еще сложных глаголов. Так он поступает и в дальнейшем при изложении глаголов четырех нормальных спряжений, группируя примеры лишь по залогам, после чего, без систематического изложения синтаксиса, сразу же переходит к связным текстам. Для начала предлагаются басни Эзопа (стр. 35—47), а затем коротенькие рассказы или изречения (стр. 48—58).

В хрестоматии для II-го и III-го класса (обе изданы в 1826 г.) даются отрывки из писателей. В книге для II-го класса выбор их ограничен баснями Эзопа (стр. 1—14) и коротенькими поучительными рассказами, извлеченными из сочинений разных авторов (стр. 14—31). Для разнообразия в конце собраны 128 мыслей из сочинений Цицерона (стр. 32—55). Книга для III-го класса — самая обширная (102 страницы) — начинается главой (стр. 1—32), в которой помещены уже более длинные рассказы обычного хрестоматийного типа, часто с назидательными заглавиями (напр., стремление к науке, труд и прилежание все побеждают). Затем следуют опять басни, на этот раз Федре (стр. 33—49). Заканчивает хрестоматию глава географическо-исторического характера, озаглавленная «Некоторые сведения о странах и народах древнего мира»

(Испания, Галлия, Германия, Британия, Италия, Греция, Фракия, Малая Азия, Индия, Египет и т. д. — стр. 50—102). Это компиляция из различных источников, как Цезарь, Юстин и др., составленная в Новое время.

Соболевский упоминает еще о скором выходе специального хрестоматийного словаря¹²⁹, затем перечисляет литературу, использованную им при составлении хрестоматий. Мы узнаем, что его хрестоматия для I, II и III классов уездных училищ составлены на основании книг для чтения Кребса 1825 г., Бродера 1822 г., Якобса и Деринга 1817 г. Оказывается, Соболевский пользовался новейшими пособиями, так что его учебники стояли на уровне тогдашней науки.

Хрестоматию по древней истории, в которой и помещено обращение «к читателю», по собственному признанию Соболевского, он составил на основании второго раздела первого курса уже упомянутого выше учебника Якобса и Деринга.

Эта хрестоматия Соболевского предназначалась для I-го класса гимназий. Соболевский собирался по немецким образцам издать хрестоматии и для следующих классов гимназии, однако своего намерения, по нам уже известным причинам, не осуществил.

4. Библиографические работы

В 1819 г. в «Дзенник Виленьски» Соболевский опубликовал ряд новых материалов, относящихся к библиографии польской литературы. В предисловии к публикации он коротко излагает цель, средства и объем своей библиографической работы. Во-первых, он предупреждает, что цель его публикации весьма ограничена. Он собирается дополнить в некоторых местах библиографию Бентковского, а не писать рецензию всего его сочинения. Во-вторых, в качестве средства, использованного им для достижения этой цели, Соболевский указывает библиографический труд Старовольского¹³⁰ и каталоги парижских библиотек, прежде всего, Королевской. В-третьих, он сообщает, что в публикации даст лишь перечисление книг по польскому языку и литературе, вышедших на иностранных языках (преимущественно по-латыни) без всяких пространных библиографических исследований, лишь попутно исправляя неточности и упущения Бентковского. Все эти оговорки оказались излишними после того, как Соболевский, продолжая работать в области библиографии по возвращении из Парижа, убедился в существовании огромного количества не использованных Бентковским библиографических данных. Тогда-то у него и зародилась мысль об издании самостоятельного сочинения по библиографии. Об изменении первоначального плана Соболевский сообщает читателям во второй и последней частях публикации¹³¹. Кроме

¹²⁹ Этот словарь так и не появился.

¹³⁰ Simonis Starovolscii scriptorum Polonicorum *Ἑκατοντὰς seu centum illustrium Poloniae scriptorum elogia et vitae*, Francoforti, 1625.

¹³¹ „Dziennik Wileński“, 1819, t. 1, str. 608; t. 2, str. 552.

изменения плана в целом, следует отметить еще то, что Соболевский, обещав ограничиться несколькими замечаниями по поводу некоторых частностей, в действительности о каждом из упоминаемых изданий (в публикации 44 позиции, не считая отдельной статьи о латинской поэзии Кохановского) дает подробную справку типа аннотации.

Примером библиографической работы Соболевского является то место, где он, предъявив Бентковскому ряд претензий по поводу небрежного использования им указаний Старовольского о латинских произведениях Кохановского, практически показывает, что и как в данном случае должен был сделать библиограф. Это место публикации дает возможность познакомиться с его взглядами на задачи библиографической работы.

Итак, задачей библиографа Соболевский считает не только указание времени и места издания книги (со всеми подробностями и дополнительными сведениями о том, где и когда была она издана, полностью или частично, кем издана и т. п.), но и объяснение ее назначения и задач, стоявших перед ее автором, изложение содержания и, наконец, оценку книги, не говоря, конечно, уже о включении ее, на основании всех этих данных, в соответствующий раздел библиографии.

Взгляды Соболевского на задачи библиографии позволяют определить его как библиографа, стремящегося дать развернутую характеристику книги, раскрывающую ее тематику и значение, т. е. как библиографа критического типа. В данном отношении Соболевский на голову стоял выше многих библиографов не только предшествующего периода, но и своего времени.

Руководствуясь вышеизложенными принципами, Соболевский, напр., объясняет название латинской поэмы Кохановского «Ciceronis Aratus ad graecum exemplar expensus et locis mancis restitutus a Joh. Cochano»¹³² таким образом, что поэт, кроме польского перевода «Феноменов» Арата, издал фрагменты перевода Цицерона этой поэмы со своими собственными дополнениями. Это объяснение устраняет возможность какого-либо недоумения по поводу названия книги. Таким образом выясняется, что труд Кохановского является в равной мере работой поэтической, как и филологической. Желая полнее информировать читателя о задачах, которые при этом ставил перед собой Кохановский, Соболевский цитирует значительный отрывок из предисловия, которым поэт предварил свое издание перевода фрагментов Арата. Соболевский сообщает, кто из ученых и где упоминает поэму Кохановского, вплоть до истории греческой литературы Гроддека¹³³. Приводя название поэмы, Соболевский, разумеется, точно указывает место, время и формат издания, а также фамилию издателя. Сообщая название произведения Кохановского „*Foricoeniorum sive epigrammatum libellus*“, Соболевский дает

¹³² Издана в Кракове в 1579 г.

¹³³ G. E. Groddeck. *Historiae Graecorum litterariae elementa*, Vilnae, 1811, p. 243; *Initia historiae Graecorum litterariae, pars 2*, Vilnae, 1823, p. 17.

пространный филологический разбор термина *Foricoenium*, который затем дополняет после своего посещения библиотеки в Щорсах¹³⁴.

Вся эта работа была под силу лишь хорошо подготовленному филологу, так что, по сути дела, библиографические изыскания Соболевского являются второй стороной его филологической работы и тесно связаны с ней. Можно даже прямо сказать, что Соболевский стал отличным библиографом благодаря своему филологическому образованию.

Библиографические характеристики Соболевского приближаются к типу современных аннотаций. Однако Соболевский не всегда ограничивался лишь аннотациями. В отдельных случаях он применял другие типы характеристики, напр., рецензирование и реферирование. Его работу как рецензента мы уже рассматривали выше. Сейчас мы разберем еще одну его библиографическую работу, которой был реферат сочинения графа Оссолинского¹³⁵. Этот труд Оссолинского носил библиографический характер и давал, хотя и неполную, картину состояния просвещения и культуры в Польше в 16 в. Хотя книга и заключала в себе ценные библиографические сведения, необходимые при изучении литературной и политической истории Польши, однако она была написана очень трудным, малопонятным языком, так что оставалась недоступной для массового читателя. Обзор Соболевского, разбитый им на 10 частей, прежде всего, преследовал популяризаторские цели. Второй задачей было уточнение и дополнение сведений Оссолинского. Обе эти задачи он выполнил блестяще, что и отметил Оссолинский в своем письме к князю Чарторийскому¹³⁶.

Задачей библиографии является учет, оценка (также негативная) и пропаганда произведений печати¹³⁷. Ознакомившись с библиографическими работами Соболевского, мы должны констатировать наличие у него этих трех основных моментов. Мы должны также отметить разнообразие методов его работы от аннотации до реферирования и рецензирования. Таким образом, учитывая эпоху, в которую он жил, его связь с Вильнюсским университетом, мы приходим к выводу о большом не только практическом, но и теоретическом значении библиографического наследия Соболевского, как ученого филолога-библиографа, и необходимости изучения его деятельности в этой области.

После смерти Соболевского известный Вильнюсский издатель Иосиф Завадский за значительную сумму приобрел от семьи Соболевского все его рукописи¹³⁸. Затем он поручил сначала Л. Рогальскому, а после отъезда последнего в Варшаву в 1835 г. Иохеру обработать рукописи Соболевского, с привлечением различных других материалов, и издать полную польскую библиографию. К 1836 г. подготовительная работа была закончена. Вскоре появился проспект новой книги, а затем и сама кни-

¹³⁴ „Dziennik Wileński“, 1819, t. 2, str. 206.

¹³⁵ См. стр. 153.

¹³⁶ „Dziennik Warszawski“, 1825, t. 2, str. 50—51.

¹³⁷ Общая библиография, М., 1957, стр. 6 и сл.

¹³⁸ „Tygodnik Petersburski“, 1837, Nr. 2, str. 14.

га¹³⁹. Основой ее являются материалы Соболевского, о чем говорит и сам Иохер: «Все... писания Соболевского, купленные за значительную сумму у семьи покойного блаж. пам. Иосифом Завадским, входят в состав настоящей работы и, можно сказать, составляют ее лучшую часть»¹⁴⁰. Действительно, ссылки на Соболевского в сочинении Иохера даются на каждом шагу.

Таким образом, библиографические труды Соболевского не пропали даром, хотя и украсили не его, а чужое имя.

Память о Соболевском не исчезла. Ему посвящена подробная статья Л. Рогальского в польской Всеобщей энциклопедии¹⁴¹, он внесен в почетный список «людей, прославленных добродетелью, мудростью, рассудительностью, храбростью, изобретениями, заблуждениями» в «Библиографическом словаре» Шиманского¹⁴², о нем вспоминают Бартошевич¹⁴³ и Совинский¹⁴⁴, не говоря уже о Белинском, Бренштейне и других, писавших о Вильнюсском университете или его библиотеке.

Преданное служение Соболевского делу культуры и просвещения литовского и польского народов достойно всяческой похвалы. Вместе с тем мы не должны закрывать глаза на его слабые стороны. В идеологической борьбе за утверждение демократических идеалов в Литве в первой четверти XIX в. Соболевский не принимал непосредственного участия. Он представлял собою тип ученого, отрешенного от всего, что выходит за пределы его специальности. Таким его сделали условия жизни: переезды из одного города в другой, длительные научные командировки не способствовали налаживанию общественных связей. Период же живой педагогической работы в университете был слишком непродолжительным для установления взаимопонимания между преподавателем и его демократически настроенными слушателями. Наконец постоянное общение с представителями знати наложило на Соболевского печать, которую он носил до конца жизни, так и не найдя общий язык с наиболее передовой частью литовского общества, возглавляемой Лелевелем и филоматами. Однако объективное значение деятельности Соболевского делало его союзником прогрессивных сил этого общества и позволяет нам сейчас дать ему положительную оценку.

¹³⁹ Obraz bibliograficzno-historyczny literatury i nauk w Polsce od wprowadzenia do niej druku po rok 1830 włącznie, Wilno, 1840. (Второй том вышел в 1842 г., третий в 1857 г.)

¹⁴⁰ Там же, т. 1, стр. XVIII—XIX.

¹⁴¹ Encyklopedia Powszechna Orgelbranda, т. 23, Warszawa, 1866, стр. 759—760. ✓

¹⁴² Dykjonarz biograficzny powszechny czyli krótkie wspomnienie żywotów ludzi, wślawionych cnotą, mądrością, przemysłem, męstwem, wynalazkami, błędami, od początku świata do najnowszych czasów, т. 2, Warszawa, 1851, стр. 322.

¹⁴³ Julian Bartoszewicz. Historia literatury polskiej, т. 2, Warszawa, 1877, стр. 133—134.

¹⁴⁴ Leonard Sowiński. Rys dziejów literatury polskiej podług notat Aleksandra Zdanowicza oraz innych źródeł..., т. 2, Wilno, 1875, стр. 262—263.

LIUDVIKAS SOBOLEVSKIS — FILOLOGAS IR BIBLIOGRAFAS

E. FROLOVAS

Re z i u m ė

XIX a. pradžioje Vilniaus universitetas paruošė daug įvairių mokslo sričių aukštos kvalifikacijos specialistų. Jų tarpe yra ir Liudvikas Sobolevskis. Tai vienas gibiausių klasikinės filologijos profesoriaus Vilniaus universitete Grodeko mokinių.

Baigęs universitetą, L. Sobolevskis kurį laiką dėstė klasikinės kalbas vidurinėse mokyklose, o vėliau buvo pasiūstas į užsienį pasitobulinti. Mat, universitetas tikėjosi, kad ateityje L. Sobolevskis užims bent vieną iš klasikinės filologijos katedrų. Tačiau liga jam sutrukdė tapti profesorium. Jis buvo priverstas atsisakyti nuo dėstymo universitete ir perėjo į kitą darbą, būtent, tapo bibliografu. Mirus Grodekui, L. Sobolevskis buvo paskirtas universiteto bibliotekos direktoriumi ir čia dirbo iki mirties (1830 m.).

Nors Sobolevskis gyveno trumpai, tačiau buvo aktyvus mokslo darbuotojas. Jis išleido keletą lotynų kalbos vadovėlių bei senovės autorių kūrinių ir paskelbė periodikoje bibliografinio pobūdžio straipsnių. Be to, jis pasižymėjo ir kaip vertėjas.

Straipsnis susideda iš dviejų dalių. Pirmojoje parodomas L. Sobolevskio studijų kelias, jo ruošimasis profesūrai, dėstymas universitete, bibliografinės medžiagos rinkimas, pagaliau darbas universiteto bibliotekoje. Antroje dalyje nagrinėjamas jo palikimas: vertimai, leidiniai, straipsniai.

Autorius daro išvadą, kad L. Sobolevskio veikla klasikinės filologijos ir bibliografijos srityje leidžia geriau pažinti vadinamosios Grodeko mokyklos vaidmenį Lietuvoje, atskleidžia glaudų klasikinės filologijos ryšį su bibliografija, parodo aukštą bibliografijos mokslo lygį senajame Vilniaus universitete.
